

КОНДУКТОР, НАЖМИ НА ТОРМОЗА...¹

Рахилина Е. В. (rakhilina@gmail.com)

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

В статье описываются семантико-синтаксические особенности русской формы *постой* — аттенуативного императива от глагола *постоять*. Ее свойства рассматриваются в ряду других квазиграмматических показателей континуативного прохибитива: *прекрати, перестань, хватит, будет, оставь, хорош* и др. Все они используются как побуждение прервать некоторую ситуацию. Показано, что специфической частью семантики *постой* является аттенуативность, так что соответствующее действие (конкретное, происходящее в данный момент, но при этом не выраженное поверхностно) прерывается на время; это время говорящий предлагает использовать для того, чтобы каким-то образом оптимизировать ход событий, а бессоюзное придаточное, которое входит в конструкцию с *постой*, эксплицирует предложение говорящего.

Ключевые слова: лексическая семантика, грамматическая семантика, квазиграмматические маркеры, грамматикализация, прохибитив

CONDUCTOR, PRESS THE BRAKES...

Rakhilina E. V. (rakhilina@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper examines the lexical semantics and syntax of the form *postoj* (attenuative imperative of Russian verb *postojat* 'stand (for a while)') describing it as one of the quasi-grammatical markers of continuous prohibitive, such as *prekrati, perestan', xvatit, budet, ostav', xoroš*, etc. All of them mark the illocution for interrupting the ongoing situation. *Postoj* differs from the other markers by its attenuative semantics, so that the situation (definite and taking place at the moment of speech, but not explicated in the sentence) has to be interrupted only for a while. The speaker offers to use this short span of time to improve it with some additional means; asyndetic clause, which follows *postoj*, explicates the speaker's suggestion.

Key words: lexical semantics, semantics of grammar, quasigrammatical markers, grammaticalization, prohibitive

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

0. Введение

С лингвистической точки зрения начало известной песни, строчка из которой вынесена в заглавие статьи (*Постой, паровоз! Не стучите, колеса!*), нестандартно: оба императива имеют в качестве адресата неодушевленные объекты. Понятно, что используя императив, который обычно обращен к одушевленному адресату (*Дети, почему у вас такой грохот? Не стучите так громко, бабушка работает!*), в контексте предметного имени, автор имел в виду метафорический сдвиг, или одушевление: как если бы колеса стали контролирующим действие участником и сами могли перестать стучать. Но если с глаголом *стучать* такой сдвиг вполне возможен, то к императивной форме *постоять* он плохо применим и дает эффект грамматической неправильности, потому что исходное значение формы *постой* ('не двигайся некоторое время') в русском языке уже претерпело некоторые изменения и даже самым обычным семантическим сдвигам так просто не подчиняется.

Справедливости ради надо сказать, что свою каноническую интерпретацию аттенуативного императива *постой* все же сохранило — но только в некоторых специальных контекстах.

Во-первых, это контексты, задающие какие-то физические характеристики пространственной ситуации, которую описывает этот глагол: локативные (*постой у порога*), временные (*постой пока, Постой! ... Постой одну минуту! Не убегу, успеешь захватить!* [С. Я. Надсон. Царевна Софья (1880)]), образа действия (*постой спокойно*) и под. Во-вторых, это предложения, в которых делается акцент на контрасте покоя адресата и движения какого-то другого участника, например, субъекта: *ты постой, а я пройду* или: *Поднимись на откос и постой, оглядись* [Н. В. Крандиевская. «Как песок между пальцев, уходит жизнь...» (1938–1940)].

Для сравнения — аттенуативная интерпретация абсолютно недопустима для *постой* при удвоении, которое можно было бы назвать морфологическим и которое достаточно характерно для этой формы. При морфологическом удвоении — в отличие от простого повтора лексемы — две формы произносятся неразрывно и акцент переносится на вторую: *Постой-постой, — сказал я. — Повтори-ка ещё раз!* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)], но не: **постой-постой, а я пройду*! (ср. здесь приведенный выше пример из Надсона с простым повтором, где обе формы равно значимы, и значение аттенуативно).

Не очень распространена аттенуативная интерпретация и для изолированных употреблений императива, или изолированных с постпозицией адресата — то есть как раз построенных по образцу *постой, паровоз!* Скорее, им свойственна семантика прохибитивного континуатива², т. е. императива, прерывающего (в нашем случае — на время, потому что аттенуативность в этом значении *постой* сохраняется) уже идущее действие, ср. у Пушкина:

² Такое значение не отмечено в Майсак 2005 как дериват от 'стоять', но полностью соответствует переходу "STOP > PROHIBITIVE", который засвидетельствован в Heine, Kuteva 2002.

постой (= 'прерви свою речь на время') — *а карантин!* Призыв прервать ситуацию, выраженный таким образом, может быть использован далеко не всегда. Например, нельзя (по крайней мере в современном русском языке) сказать: *Постой!*, обращаясь к человеку спящему, размышляющему или мечтающему. В то же время, круг ситуаций, к которым этот императив, в принципе может быть применен, достаточно широк, ср.: *постой* (= 'не садись пока / не наступай, не ложись'), *я тут вытру*; *постой* (= 'не ешь пока'), *я сметаны добавлю*; *постой* (= 'не чисти пока'), *я тебе хорошую щетку дам*; *постой* (= 'не плати пока'), *я мелочь достану*; *постой* (= 'не включай пока телевизор'), *я очки надену* и др. под. Ср. также: *Постой, постой!* (= 'не пей') ... *Ты выпил... без меня?* [А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери (1830)] или: *Рыдает бедная хозяйка./ Хозяйка милая, постой* (= 'не рыдай'), */ На картах лучше погадай-ка.* [Д. Хармс. «Григорий студнем подавившись...» (1937.02.20)] и др.

Судя по данным НКРЯ, частотность *постой* — в том числе и, видимо, как прохибитивного континуатива, заметно падает³: параллельно в русском языке в том же значении требования временно прервать идущее действие используются более продуктивные *погоди* и *подожди*. Интересно, что все три формы работают, в общем, параллельно и чаще всего встречаются в речевых контекстах. Причины, по которым возникает требование прервать речь адресата, у них одни и те же:

- (1) Говорящий заметил противоречие в речи адресата;
- (2) Говорящий видит незаметную для адресата логическую связь, вывод и проч.;
- (3) Говорящий осенен новой собственной идеей, что-то вспомнил, увидел и проч.;
- (4) Говорящий хочет совершить другое действие, ср.: *постой* (= 'прерви свой рассказ, не говори пока'), *я дверь открою*.

1. О системе прохибитивно-континуативных значений

Русский язык обладает довольно сложной системой лексических маркеров прохибитивно-континуативных значений, в которую *постой*, вместе с *подожди* и *погоди*, довольно хорошо встраивается. Все это слабо грамматикализованные показатели, специального грамматического средства выразить этот смысл в русском языке нет. Как мы показали на материале количественных значений (Рахилина, Ли Су Хен 2005, 2010), особенность квазиграмматических маркеров в том, что они, частично сохраняя «следы» своей исходной семантики, привносят

³ Косвенное свидетельство этому — высокая частотность *постой* в поэтическом под-корпусе НКРЯ XIX — первой половины XX в.

в систему противопоставлений, бедных и простых в «чистой» грамматике, качественные характеристики. А поскольку сами конструкции достаточно частотны и продуктивны, соответствующие им качественные значения оказываются выделены языком как когнитивно релевантные. С этой точки зрения их исследование особенно интересно — нам важно знать (в том числе и для последующих типологических исследований), какие именно различия в прохибитивной зоне настолько значимы, что хотя бы в каком-то языке могут лексикализироваться.

Итак, русский язык развил лексические показатели прохибитивного континуатива для:

- (1) Неприятных, вредных, отрицательно оцениваемых действий: *прекрати, перестань* (а также более разговорное *кончай*) — *прекрати безобразничать / таскать kota за усы*;
- (2) Избыточной (но не вредной, и, может быть, даже положительно оцениваемой) деятельности: (устар.) *будет, полно*: *Да будет тебе сердиться*; — *Да уж вышло, Егор! Будет тебе скромничать!* — *Не совсем, Валя, не совсем!* [А. П. Платонов. Эфирный тракт (1926–1927)]; *Не прилично, что ли? Да полно форсить-то!* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)].
- (3) Избыточного количества объектов или вещества, передаваемого адресатом субъекту: *хватит, довольно, достаточно*, также *будет, хорош*,
- (4) Движения: *стой, остановись, стоп*
- (5) Сна: *проснись, вставай*,
- (6) Предположений или рассуждений — (устар.) *полноте*, (разгов.) *брось*: *Физик, о чем ты? Брось./ Законы природы, закон Иеговы* — *То вкривь, то вкось*. [И. В. Чиннов. «Мир, созданный Богом, и мир, возникший...» (1984)]

а также некоторых особых речевых ситуаций, а именно:

- (7) Таких ситуаций, в которых говорящего раздражают вопросы или советы адресата — *отстань*: *Кстати, Тёткин, что такое эполета?* — *Отстань. Дело не в этом*. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]
- (8) (устар.) Утешения — *оставь / оставьте: Оставьте... помощь ваша бесполезна и для соперника вашего и для моей соперницы...* [А. Ф. Вельтман. Эротίδα (1835)]

Некоторые лексемы из этого списка узко специализированы, ср. (4)–(8), так что эти случаи лучше квалифицировать как лексикализацию прохибитива.

Между тем другие, как *прекрати* и *перестань*, имеют яркую устойчивую семантику и могут претендовать на статус квазиграмматических маркеров (см. также Кустова 2011). Они настолько связаны с отрицательной оценкой, что в их контексте любое доброе дело переинтерпретируется как вредное или неуместное (с презумпцией, что эта точки зрения говорящего известна и адресату), ср. *прекрати улыбаться* (— *стоишь, как дурак!*), *прекрати мыть полы* (— *опять спина болеть будет!*). Так же ведет себя и *хватит*. Однако в отличие от *хватит*, *прекратить* и *перестать*, не используются в количественных значениях (ограничивающих ситуацию через количество передаваемого объекта) — и тем самым выделяют количественные употребления (*хватит уже воды, больше не лей!*) в особый класс. Ср. здесь *достаточно*, для которого, напротив, естественны количественные контексты: **достаточно дергать кошку за усы!*

Другое свойство *прекратить* и *перестать* состоит в том, что они представляют ситуацию как дробную, состоящую из множества мелких, т. е. служат инструментом ее мультипликации. Поэтому предложения типа *прекрати поднимать руку / вытягивать шею / улыбаться* и проч. интерпретируются не как единичное непрерывное действие, которое нужно остановить на середине (ср.: **прекрати открывать глаза*), а как *последовательность* таких действий, которую нужно прервать.

Особняком стоят речевые ситуации — их свойства с точки зрения естественного языка настолько разнообразны, что они допускают любые неспециализированные маркеры континуативного прохибитива. Действительно, с одной стороны, речь — это процесс, который легко представить как прерывистый и который может оцениваться и положительно, и отрицательно (*прекрати кричать / будет тебе его уговаривать*), а с другой стороны — речь это передача информации от адресата к говорящему и количество этой информации можно ограничить (*хватит / довольно / достаточно — переходите к следующему вопросу билета*).

Еще одно важное противопоставление в этой семантической зоне, которое не хотелось бы упустить, касается степени участия в ситуации говорящего и слушающего: как видно из примеров, в стандартном случае слушающий ситуацию контролирует, а говорящий прекращает. Однако предикативы, например, *довольно* или *хватит*, легко допускают и включение в ситуацию говорящего, демонстрируя своего рода инклюзивность, ср. известное: *Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!*, при *будет* возможно отсутствие контроля ситуации со стороны адресата: *Будет тебе мыкаться! Женись и живи.* [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)], а *хватит* может быть обращено к третьему лицу: *Хватит ему мыкаться!*

Бегло очертив контуры системы русских прохибитивных континуативов⁴, определим место *постой* (*погоди / подожди*) в этой системе. На наш взгляд,

⁴ Кажется, что в ряду прохибитивных континуативов следует рассматривать и конструкцию больше не: *больше не (при)ходи ко мне*. Тем не менее, на наш взгляд, семантика ее скорее инцептивная, чем континуативная, потому что к моменту произнесения такой прохибитивной формулы соответствующее действие или последовательность действий уже должно прекратиться, так что требование состоит не в том, чтобы оно не продолжалось, а в том, чтобы оно не возобновлялось.

постой — это именно *континуативный* прохибитив, он не используется в количественных контекстах и, в отличие от других маркеров этой зоны, может прерывать и гомогенный процесс (а не только последовательность действий), всегда контролируемый адресатом. Важной частью семантики *постой* остается аттенуативность, поэтому соответствующее действие прерывается на время; это время используется говорящим для того, чтобы каким-то образом оптимизировать ход событий. Как видим, *постой* и группа его близких синонимов соотносится с довольно своеобразным классом ситуаций, не похожих на другие в том же ряду.

2. Денотативный статус

Но зачем вообще нужны особые маркеры прохибитива, почему русскому языку недостаточно простого отрицания императивной формы, примененного (так по крайней мере кажется на первый взгляд), к любому глаголу: *не ешь, не пей, не спи, не ходи*?

Дело в том, что денотативный статус обычной прохибитивной конструкции, как правило, неопределен и совсем необязательно соотносится с актуальной, конкретно-референтной ситуацией. Указания типа: *Не ешь соленую капусту, тебе вредно*, универсальны, они касаются любого случая, в котором адресату представится данная возможность — требование состоит в том, чтобы в этот произвольный момент такой возможностью сознательно пренебречь. Но и в целом семантика императива как формы манипуляции адресатом больше нацелена на будущее, чем на прошлое, в котором уже ничего нельзя изменить: не важно, идет ли это действие сейчас — важно, чтобы в будущем оно уже не осуществлялось.

Такая семантическая стратегия гораздо ближе к инцептиву, чем к континуативу, и для некоторых русских глаголов именно инцептивная интерпретация прохибитива (вопреки Храковский, Володин 1986: 99) оказывается единственно возможной. Ср.: *не ходи туда* или характерное *не спи* (= ‘не засыпай’); эта формула используется тогда, когда человека будят, он слегка просыпается, но еще не пришел в себя и может заснуть снова. Любопытно, что есть случаи, когда простой прохибитив кажется вовсе грамматически неправильным, как **не иди*⁵ или по крайней мере значительно менее приемлемым в континуативном контексте, чем особая аналитическая квазиграмматическая форма из тех, что мы обсуждали. Ср. здесь пары типа: **не ходи, голова болит* VS. *перестань ходить, голова болит* или: *эй, ты, если не трус, перестань прятаться!* (А. Слаповский) — *?не прячься!* (в актуальном значении). В любом случае, денотативная разница между, например, *не разговаривай* и *прекрати разговаривать* очевидна: первое действительно ориентировано на отсутствие действия

⁵ В НКРЯ встретилось всего 78 примеров, большинство из которых либо идиомы (*не иди замуж / на поводу / иди во власть* и др. под.), либо с противительным отрицанием как в: *Ты наверняка сказала ему не “иди” домой, а “езжай” домой.* Для сравнения — на *не стой* корпус выдает 149 «полноценных» употреблений.

в будущем безразлично к тому, насколько оно актуально, а второе ясно указывает на конкретно-референтный процесс, который нужно прервать⁶.

3. Дейктичность

Раз континуативные прохибитивы, в отличие от обычных, непосредственно связаны с актуальной ситуацией, значит, соответствующие показатели должны тяготеть к дейктичности. Действительно, большинство из них способно и даже склонно употребляться изолированно и не называть прерываемую ситуацию, которая легко восстанавливается из контекста, ср.: *Остановись!* (**остановись иди*), *Отстань!* (**отстань задавать вопросы*), *Постой!* (**постой говорить*), *Вставай!* (**вставай спать*) и др. — и в том же ряду изолированные употребления *Хватит!* *Перестань!* *Прекрати!* и под.

Любопытно, что недейктические контексты, содержащие в предложении глагол, не просто отсылают с его помощью к прерываемой ситуации (которая, повторим, и так известна из внеязыкового контекста), а вводят каждый свою дополнительную семантику. Такова, в частности, роль инфинитива при *перестань* — *прекрати*: в основном он служит не для того, чтобы ввести актуальное действие как таковое, а чтобы ввести его оценочную интерпретацию (другими словами, обидеть адресата), ср.: *Прекрати безобразничать / дурачиться / вредничать / притворяться!* Количественные контексты тоже, как правило, дейктичны, но могут и содержать именную группу, описывающую ту субстанцию, которая в данном случае ограничивается — особенно если есть выбор объектов: *чая достаточно, а сахара добавь.*

Что касается формы *постой*, то и она не всегда употребляется изолированно: свойственная ей конструкция вводит предикатную лексему как сказуемое (обычно в форме будущего времени) сочиненного с ним предложения: *постой, я тебе вот что скажу.* Однако эта лексема обозначает действие, внешнее

⁶ Как видим, замеченное противопоставление, заставило нас использовать в отношении глагольной лексики нетрадиционную для нее референциальную терминологию — впрочем, нам и раньше казалось, что референциальные отношения всегда были несколько искусственно сужены до предметной зоны. В свое время мы показали их применимость к отпредикатным именам (Крейдлин, Рахилина 1981), подробная лексическая классификация прохибитивов могла бы, как кажется, продвинуть теорию денотативных статусов для предикатной лексики в целом.

⁷ Заметим, что в XIX и даже в XX употреблении инфинитива при *постой* еще было не запрещено, ср. *Нет, постой коня седлать!* .. [А. С. Норов. Чельд-Гарольд (1824.08.20)] или: «Мой желанный! Мой любимый!» — *Нет, постой меня ласкать.* [К. Д. Балмонт. Нереида 1903] и: — *Ты постой обижаться,* — остановил гнев Прокофия старик. [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]. Гораздо более частотны и современные контексты с инфинитивами для *подожди* (86 примеров в основном корпусе и 20 в устном) и *подожди* (150 в основном и 13 в устном), ср.: *Ты подожди расстраиваться / может и не надо ничего.* [Разговор матери с сыном // Из материалов Ульяновского университета, 2006]. Правда, это ничтожная часть по сравнению с числом их дейктических употреблений (без инфинитива) — соответственно, 4064 и 4239.

по отношению к уже идущему — а именно то, которое, в соответствии с семантикой *постой*, поможет оптимизировать ситуацию в целом и ради которого она должна быть приостановлена. Таким образом, в отношении временно прерываемой ситуации *постой* всегда дейктивно — и это дополнительное свидетельство его «полноценности» как показателя именно континуативного прохибитива.

4. Семантические возможности развития *постой*

Значение отложенного продолжения действия порождает по крайней мере еще один смысл, который можно было бы назвать «отложенным угрозативом»: повеление ждать момента, когда от говорящего последует наказание. Это значение встраивается в общую парадигму сдвигов, свойственных (*подо*)ждать и (*по*)годить, следующих в русском сходной словообразовательной модели (ср. также англ. *Just you wait!*, фр. *Attends tu vas voir!*). В то же время, в современном русском языке оно почти совершенно вытеснено известным *Ну погоди* и синонимичным ему *подожди!* и для *постой* может считаться практически утраченным. Ср. явно устаревшие примеры типа: «*Постой же!* — / *Думает, — я тебя так не оставлю, проказник; поймаю / И за побег накажу — накормлю хорошенько!* [Н. А. Некрасов. Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна (1844–1845)] Мыслит царевич: «*Добро же! постой!*» / *За косу ловко схватил он рукой.* [М. Ю. Лермонтов. Морская царевна (1841)] и вполне современное: *Подлец! Ну, подожди у меня! — Что ты ему сделаешь?* [Василь Быков. Знак беды (1982)] или: *А подожди у меня еще. Какой у нас козырь?* [Разговоры за игрой в карты (2009)]

С теоретической точки зрения, это очень интересно: наблюдая квазиграмматикализацию серии сложных конструкций (Легучий, Рахилина 2012, Рахилина, Ли Су Хен 2010), мы видим, что внутри своей семантической зоны (множественности, итеративности и др.), они выстраиваются в своего рода шкалу, упорядоченную по степени грамматикализованности и по умолчанию предполагаем их постепенное развитие как продвижение по этой шкале. Между тем, никакого продвижения может не произойти: бывает, что единица застывает в каком-то фиксированном контексте и лексикализуется в нем в новом качестве надолго. *Постой* служит примером еще одной альтернативы: достаточно нетривиальное значение развилось и встроилось в систему прохибитивных континуативов, поддерживаемое морфосинтаксически и семантически близкими «соседями», а потом, ими же вытесненное, исчезло. Система откатилась назад, демонстрируя память о своих предшествующих, исходных этапах — в частности, не вполне грамматически правильными, но прекрасно поддающимися анализу употреблениями типа *Постой, паровоз!*

Литература

1. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. 1981. Денотативный статус отглагольных имен. НТИ, сер. 2, , N 12, с. 17–22.

2. *Кустова Г. И.* 2012. Об иллокутивной фразеологии Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский и др. (ред.) Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты М., Языки славянской культуры 349–367.
3. *Майсак Т. А.* 2005. Типология грамматикализации конструкции с глаголами движения и глаголами позиции М., Языки славянской культуры.
4. *Рахилина Е. В., Летучий А. Б.* Русские конструкции с временным значением: о границах настоящего времени В кн.: *Präsens: Сборник научных трудов.* Москва: Олма Медиа Групп, 2012. С. 224–242.
5. *Рахилина Е. В., Су Хен Ли* 2009. Семантика лексической множественности в русском языке Вопросы языкознания, N 4, 13–40.
6. *Рахилина Е. В., Су Хен Ли* 2010. О категории лексической множественности // Е. В. Рахилина (отв. ред.). *Лингвистика конструкций.* М.: Азбуковник, — С. 352–397.
7. *Храковский В. С., Володин А. П.* 1986. Семантика и типология императива: Русский императив. Л. Heine B., Kuteva T. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization* Cambridge University Press, Cambridge.

References

1. *Heine B., Kuteva T.* (2002), *World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge, Cambridge University Press.
2. *Hrakovskij V. S., Volodin A. P.* Semantics and typology of imperative [Semantika i tipologija imperativa]. *Russkij imperativ* [Imperative in Russian]. Leningrad, 1986.
3. *Krejdlin G. E., Rakhilina E. V.* (1981), Denotation of deverbal nouns [Denotativnyj status otglagol'nyh imën]. *Nauchno-tehnicheskaja informatsija* [Scientific-technical information], series 2, no. 12, pp. 17–22.
4. *Kustova G. I.* On the illocutive phraseology [Ob illokutivnoj frazeologii]. *Smysly, teksty i drugie zahvatyvajushchie szuzhety* [Meanings, texts, and other exciting things]. Апресян Ю.Д., Богуславский И. М. et al. (eds). *Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury*, 2012, pp. 349–367.
5. *Majsak T. A.* (2005), *Tipologija grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizhenija i glagolami pozitsii* [The typology of grammaticalization in the construction with verbs of movement and position]. *Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury.*
6. *Rakhilina E. V., Letuchij A. B.* Constructions with a temporal meaning in Russian: On the borders of Present tense [Russkie konstruktsii s vremennym znacheniem: o granitsah nastojashchego vremeni]. *Präsens: Sbornik nauchnyh trudov* [Präsens: A research essays volume]. *Moscow, Olma Media Group*, 2012, pp. 224–242.
7. *Rakhilina E. V., Li S.-H.* (2009), The semantics of lexical plurality in Russian [Semantika leksicheskoi mnozhestvennosti v russkom jazyke]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], no. 4, pp. 13–40.
8. *Rakhilina E. V., Li S.-H.* On the category of lexical plurality [O kategorii leksicheskoi mnozhestvennosti]. *Lingvistika konstruktsij* [Construction linguistics]. *Rakhilina E. V. (ed.), Moscow, Azbukovnik*, 2010, pp. 352–397.